

А.В. Бодров

МАКС НОРДАУ О ФРАНЦУЗСКОМ РЕВАНШИЗМЕ 1870-х годов

Следствием поражения Франции во франко-прусской войне 1870-1871 гг. стал такой феномен, как французский реваншизм. Более того, по свидетельству неоднократно посещавшего в 1870-х годах страну профессора В.И. Модестова, мысль о будущем возмездии «была самою глубокою и самою национальною мыслью во Франции»¹. Насколько эта оценка верна?

Первыми исследователями «идеи возмездия» во Франции стали, как этого и следовало ожидать, германские публицисты. Ненависть французов к немцам они рассматривали как практически не требующую доказательств аксиому. Впрочем, тон задавался на самой Вильгельмштрассе, 76, главой германской политики О. фон Бисмарком. Уже 13 августа 1871 г., спустя три месяца после подписания Франкфуртского мирного договора, он «огорошил» французского дипломатического представителя маркиза де Габриака следующим заявлением: «Я вам признаюсь откровенно, я не думаю, что вы уже сегодня хотели бы нарушить существующее *перемие* (курсив наш. – А.Б.); вы нам заплатите 2 миллиарда, но когда наступит 1874 год, и нужно будет уплатить три оставшихся, вы начнете против нас войну»². При этом он тут же сам оценивал такую попытку реванша со стороны Франции в течение ближайших десяти лет, как самоубийство.

И в дальнейшем Бисмарк неоднократно и по мере восстановления соперницы все более настойчиво проводил мысль о предопределенности такого пути развития событий. Благодаря отлаженной системе официозной прессы мысли канцлера эхом отзывались на страницах германских газет и журналов. Уже к весне 1875 г. европейская общественность была настолько подготовлена к мысли о возможности скорой повторной войны между Францией и Германией, что и нескольких тревожных газетных статей оказалось достаточно для погружения Европы в близкое к паническому состояние знаменитой «военной тревоги».

Одним из первых, кто свел воедино свои наблюдения за бытованием идеи возмездия во Франции, стал Макс Нордау (настоящее имя Симон Зюдфельд). Они заняли отдельное место в его сборнике очерков жизни Парижа «Из действительной страны миллиардов»³. Имя Нордау некогда было широко известно, а его мастерски написанные, чрезвычайно живые статьи и психолого-философские сочинения вызывали ожесточенные споры. Родом из венгерского Пешта, сын еврейского ученого, он много путешествовал и по праву может быть назван европейцем по духу. С 1880 г. Нордау обосновался на постоянное жительство в Париже, где им была открыта собственная психиатрическая практика. Не случайно поэтому, что свою критику современного ему общества Нордау часто наполнял понятиями, заимствованными из медицины. Можно согласиться с В.М. Толмачевым в том, что «неосознанно для себя он стал одним из первых, кто стремился разрешить ощущавшийся им кризис “заката Европы” посредством отказа от сложности культуры (чреватой, на его взгляд историческим неврозом) в пользу

«простоты». В сравнении с другими “великими упростителями” и их диагнозом социокультурной болезни высокоразвитой цивилизации – Ф. Ницше и З. Фрейдом, Нордау выглядит как бы лоцманом, но не капитаном»⁴.

Собственно французский реваншизм Нордау с почти профессиональным отрешением врача рассматривал, как «весьма интересную главу в общей психологии народов», а свои наблюдения – «посильными материалами» на благо будущих исследователей»⁵.

В своей более поздней книге «Вырождение» Нордау подчеркивал тот перелом в сознании французов, который произвела проигранная война: «С высокомерием, граничившим почти с манией величия, французы считали себя первым в мире народом, и вдруг они оказались униженными, раздавленными. Все то, во что они верили, рушилось разом. Каждый француз понес материальные потери, лишился близких ему людей и смотрел на поражение отечества как на личное несчастье и позор <...> Тысячи людей помешались. В Париже наблюдалась даже настоящая эпидемия душевных болезней, для которой нашли весьма подходящее название “folie obsidionale” – “осадного помешательства”»⁶.

Масштабы катастрофы еще лучше объясняют то, почему идея реванша во Франции, по наблюдению Нордау, очень быстро приняла форму «религиозного верования», окруженного той же долей «таинственности и непостижимости», «как у евреев ожидание пришествия Мессии»⁷. Последний оттенок неведомости времени «пришествия реванша» придавало осознание французами того, что в ближайшем будущем победа над Германией невозможна. Говоря об обвинениях немцев в адрес Франции о готовности той воевать вновь, Жюльетт Адам восклицала: «Отчего это не так на самом деле! Увы, мы еще слишком истерзаны, чтобы думать о возвращении к нам всех наших сил»⁸. Оценка Нордау отношения французов к войне-отмщению в первые годы после Седана как к «символу веры» удивительно созвучна с теми, к которым приходят и современные исследователи»⁹.

Впрочем, Нордау пытается доказать, что «идея возмездия» за неполные десять лет претерпела немало изменений. Когда он в первый раз осенью 1874 г. приехал в Париж, «эпоха войны была еще настолько свежа в народной памяти, что нельзя было удивляться общему проявлению самого сильного раздражения и глубокой ненависти к Германии»¹⁰. Немецкая речь вызывала неприязнь, программа столь любимых парижанами кафе-шантан была сплошь посвящена утратам недавней войны, скорби об участи Эльзаса и Лотарингии и прославляющим Францию патриотическим декламациям. Даже комическая сценка похищения пруссаком столовых часов серьезно сопереживалась публикой¹¹. Увеселительные заведения, всегда чрезвычайно чуткие к запросам публики, превратились таким образом в «места национальных сетований», бередящие душевные раны посетителей.

Тем удивительней была перемена, которую отмечает в парижанах Нордау, уже в 1876 г. В глаза бросалось исчезновение демонстративного патриотизма и какая-то «сосредоточенность в себе», переход от слов к делу. От взгляда публициста не ускользает ни безропотное выделение средств на армию Национальным собранием, ни внедрение во французских учебных заведениях обучения ружейным приемам, гимнастики и немецкого языка. Первый призыв резервистов на осенние маневры в 1876 г. вызвал прилив энтузиазма¹². Эти перемены стоит приписать и сознательной политике французского правительства, которое подчеркивало каждое мало-мальски заметное достижение страны. Оно способствовало распространению в сознании французов убеждения, что

худшие времена миновали, что страна начинает подниматься. «Если война нас и сокрушила, то в то же время она стала стимулом, который подстегнул усилия по возрождению», – свидетельствовала Жюльетт Адам¹³. Все шире стало и осознание того, что реванш требует значительной и негласной подготовки. В.И. Модестов подтверждал, что в конце 70-х годов на смену неперенных вопросов к русским путешественникам «не правда ли, мы будем вместе воевать с пруссаками?» пришла куда большая сдержанность, и тема войны с Германией в беседах с французами уже почти не возникала¹⁴.

Внешне Париж вернулся к прежней разгульной жизни, а намеки на недавнюю войну, облачившись в аллегорические формы, перекочевали на театральные подмостки. Именно в пьесах с политических подтекстом, французские драматурги пытались «расшевелить утомившееся и уснувшее патриотическое негодование публики»¹⁵. Примеры трех постановок только за зимний сезон 1876–1877 гг. демонстрировали разные стороны патриотической «религии» французов. Драма Александра Пароди «Побежденный Рим» («Rome vaincue») проводила прозрачные параллели между Римом после поражения Павла Эмилия при Каннах, приведшего армию Ганнибала под стены «вечного города», и недавней войной. Именно таким, лишенным морального превосходства и даже чувствующим стыд от своей победы, каким Пароди изображает Ганнибала при виде павших римских легионов, хотели видеть французы и своего врага. Нордау иронично называл это «посмертным шовинизмом».

Драма Викторьена Сарду «Дора», по мнению Нордау, эксплуатировала распространенную среди французов во время и после войны с Германией шпиономанию. Симптомы последней, надо признать, и в самом деле проявлялись во французском обществе. Чуткий же к общим настроениям Сарду кристаллизовал их в образе великосветских авантюристок, выуживающих по заданию соперничающих кабинетов секретные сведения из влюбчивых дипломатов и министров. Отличие в избитом сюжете драмы было в том, что целью этих дам было не вымогательство денег, а политическая информация. Серьезность, с которой публика принялась угадывать в персонажах пьесы намеки на реальных лиц, удивляла Нордау, «потому что французы, за исключением этого пункта, народ умный, трезво смотрящий на вещи и способный здраво обсуждать их»¹⁶.

Тоньше всего вуаль на тему соперничества с Германией оказалась наброшена небезызвестным Полем Деруледом в его пятиактовой трагедии «Гетман» («L'Hetman»), повествующей о восстании украинских казаков под властью польского короля Владислава IV. Дерулед в аллегорической форме осмеливается прямо поставить вопрос о будущей войне с Германией. Нордау отмечает веру автора трагедии в неминуемую победу, «если каждый гражданин будет солдатом и каждый солдат – мучеником». Публика, среди которой был весь свет парижского общества, превратила премьеру в своеобразную патриотическую демонстрацию, встречая громом рукоплесканий само слово «отчизна» или «борьба»¹⁷. Во Франции после 1870 г. проявление в литературе космополитической любви ко всему человечеству стало считаться неуместным, а интересы страны стало принято воспевать первенствующими над интересам индивида.

Большее одобрение Нордау, впрочем, заслужила военная поэзия Деруледа. В сборниках «солдатских песен» будущего лидера «Лиги патриотов» отсутствовал крикливый пафос и бахвальство, свойственные, по мнению Нордау, многим французским сочинениям о войне 1870–1871 гг.. При всей своей едкой иронии к различным проявлениям парижской жизни, Нордау оценивал литературный талант Деруледа чрезвычайно высоко: «Поль Дерулед – истинный поэт, простой, глубокий, сильный, правдивый»¹⁸. Он

видел в Деруледе родоначальника нового направления французской литературы, схожего с плеядой германских поэтов Освободительной войны 1813–1814 гг.

Помимо весьма оригинальных замечаний о психологии французского народа после войны, Нордау не остался в стороне и от общих для германской публицистики тем. В частности, германские государственные деятели и политические обозреватели с большим вниманием следили за серией судебных расследований, прошедших во Франции в отношении целого ряда военачальников Второй империи. Особое возмущение немцев вызвали обвинительные приговоры в отношении сдавшегося в Меце маршала Базена (10 декабря 1873 г.) и подписавшего капитуляцию при Седане генерала Вимпфена (15 февраля 1875 г.). Причину этого возмущения Нордау раскрыл предельно ясно. Распространение во французском обществе мысли о том, что немцы одержали верх в результате простого численного превосходства и благодаря изменам французских полководцев вычеркивали «строка за строкою мораль великой военной трагедии». В памяти французов от войны оставалось таким образом только «воспоминание о непобедимости французского солдата», а от пятимиллиардной контрибуции «лишь чувство торжества и гордости неистощимостью французского государственного кредита»¹⁹. Тем самым перспективы новой войны с Германией должны были рисоваться каждому простому французу не такими уж устрашающими.

Нордау оказался среди тех публицистов, которые призывали французскую нацию отказаться от идеи реванша в отношении Германии и переключиться на исполнение своей «цивилизаторской миссии» по освобождению от «варварства» африканского континента. Нордау не видел никаких выгод от возможного реванша для Франции, за исключением «бесплодного удовлетворения оскорбленному национальному чувству», тогда как повторное поражение вело бы к ее окончательному падению²⁰. Тем самым он вполне солидаризировался с последующим курсом Бисмарка, подталкивавшего в начале 1880-х годов Францию в лице главы ее правительства Жюлья Ферри к «реваншу» за счет приобретения новых колоний.

Но какую же «мораль великой военной трагедии» и по прошествии восьми лет французы в своей слепой ненависти к Германии отказывались признавать? А мораль эта, по мнению Нордау, в том, «что Седан и Мец были только неизбежным для Франции роковым историческим наказанием <...> и немецкие войска были ни в чем не повинным орудием в руке, управляющей всеми судьбами мира, которая изрекла свой приговор над виновною страной, допустившей осуществление позорного события в ночь на 2-е декабря»²¹, т.е. государственный переворот 1852 г. и установление Второй империи Наполеоном III. Другими словами, Нордау был одним из тех, кто призывал французов к покаянию. Франция и в самом деле несла значительную долю ответственности за свое поражение. Но надеяться вызвать в французах чувство вины после Седана было едва реально: помимо всего прочего война 1870–1871 гг. шла на французской территории и сами условия Франкфуртского мира не способствовали успокоению острых национальных чувств.

Путь франко-германского примирения, намеченный Максом Нордау, так и остался не пройденным. При том, что в этом отношении он оказался плохим диагностом, многие его частные замечания следует признать справедливыми. Нордау стал одним из первых, кто стремился исследовать психологические стороны французского реваншизма. Весьма точно он уловил и особенность развития идеи реванша во Франции в 1870-х годах, в условиях чрезвычайной слабости той перед лицом Германии. Уже тогда во Франции утвердилась мысль о необходимости подготовки к будущему пересмотру итогов франко-

прусской войны. Но, в отличие от 80–90-х годов XIX в., это никак не афишировались на политическом уровне, и сама идея реванша в неопределенном будущем бытовала скорее на уровне обыденного сознания и художественной литературы. Прекрасной иллюстрацией этого и могут служить очерки Макса Нордау.

¹ Модестов В.И. Из заграничных воспоминаний // О Франции: статьи. СПб., 1889. С. 27.

² Габриак – Ремюза, 14 августа 1871 г. – Documents diplomatiques francais: Ser. 1. Vol. I. Paris, 1929. N 42. P. 62. – О впечатлении, которое на Габриака произвели слова Бисмарка, см.: Gabriac, marquis de. Souvenirs diplomatiques de Russie et d' Allemagne, 1870–1872. Paris, 1896. P. 137.

³ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки [Пер. с нем.]. Т. 1–2. СПб., 1879. – Необычность названия книги объясняется тем, что она была литературным ответом на вышедшее в 1875 г. сочинение швейцарца Виктора Тиссо «Путешествие в страну миллиардов», описывавшее современную Германию и ее «развращение» полученной с Франции контрибуцией.

⁴ Толмачев В.М. В борьбе за «великого незнакомца». Послесловие // Макс Нордау. Вырождение; Современные французы [Пер. с нем.]. М., 1995. С. 385

⁵ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. С. 149.

⁶ Нордау М. Вырождение (1892–1893); Современные французы ... С. 48.

⁷ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. С. 148.

⁸ Adam J. Mes souvenirs. Vol. V. Mes angoisses et nos luttes (1871–1873). Paris, 1907. P. 280.

⁹ Joly B. Déroulede. L' inventeur du nationalisme français. Paris, 1998. P. 374.

¹⁰ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Т. 2. С. 149.

¹¹ Там же. С. 161–162.

¹² Там же. С. 166.

¹³ Adam J. Op. cit. P. 221.

¹⁴ Модестов В.И. Указ. соч. С. 31–33.

¹⁵ Нордау М. Из действительной страны миллиардов. С. 168.

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Там же. С. 180.

¹⁸ Там же. С. 153.

¹⁹ Там же. С. 150.

²⁰ Там же. С. 193–194.

²¹ Там же. С. 194.

Статья принята к печати 28 сентября 2006 г.